

Н.Н. Наседкин

Настасья Филипповна

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА Барашкова — главная героиня романа Ф.М. Достоевского «Идиот», вокруг которой завязаны основные сюжетные узлы. Князь Мышкин впервые видит ее (сначала на портрете) в день, когда ей исполнилось 25 лет. «Так это Настасья Филипповна? — промолвил он, внимательно и любопытно поглядев на портрет: — Удивительно хороша! — прибавил он тотчас же с жаром. На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому, темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худа лицом, может быть, и бледна... <...>

— Удивительное лицо! — ответил князь. — И я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!..»

Затем князь еще раз, уже наедине, вглядывается в портрет: «Давешнее впечатление почти не оставляло его, и теперь он спешил как бы что-то вновь проверить. Это необыкновенное по своей красоте и еще по чему-то лицо еще сильнее поразило его теперь. Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же самое время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти черты. Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота! Князь смотрел с минуту, потом вдруг спохватился, огляделся кругом, поспешно приблизил портрет к губам и поцеловал его. Когда через минуту он вошел в гостиную, лицо его было совершенно спокойно...»

Мышкин как бы угадал всю прежнюю и будущую судьбу Настасьи Филипповны. Она родилась в семье мелкопоместного помещика Филиппа Александровича Барашкова — «отставного офицера, хорошей дворянской фамилии». Когда Насте было семь лет, «вотчина» их сгорела, в огне погибла мать, отец от горя сошел с ума и умер в горячке, умерла вскоре и младшая сестра, так что девочка осталась одна на всем белом свете. Сосед, богатый помещик Афанасий Иванович Тоцкий, «по великодушию своему, принял на свое иждивение» сироту, она выросла в семье его управляющего-немца. «Лет пять спустя, однажды, Афанасий Иванович, проездом, вздумал заглянуть в свое поместье и вдруг заметил в деревенском своем доме, в семействе своего немца, прелестного ребенка, девочку лет двенадцати, резвую, милую, умненькую и обещавшую необыкновенную красоту; в этом отношении Афанасий Иванович был знаток безошибочный. В этот раз он пробыл в поместье всего несколько дней, но успел распорядиться; в воспитании девочки произошла значительная перемена: приглашена была почтенная и пожилая гувернантка, опытная в высшем воспитании девиц, швейцарка, образованная и преподававшая, кроме французского языка, и разные науки. Она поселилась в деревенском доме, и воспитание маленькой Настасьи приняло чрезвычайные размеры. Ровно чрез четыре года это воспитание кончилось; гувернантка уехала, а за Настей приехала одна барыня, тоже какая-то помещица и тоже соседка г-на Тоцкого по имению, но уже в другой, далекой губернии, и взяла Настю с собой, вследствие инструкции и полномочия от Афанасия Ивановича. В этом небольшом поместье оказался тоже, хотя и небольшой, только что отстроенный деревянный дом; убран он был особенно изящно, да и деревенька, как нарочно, называлась сельцо Отрадное. Помещица привезла Настю прямо в этот тихий домик, и так как сама она, бездетная вдова, жила всего в одной версте, то и сама поселилась вместе

с Настей. Около Насти явилась старуха ключница и молодая, опытная горничная. В доме нашлись музыкальные инструменты, изящная девичья библиотека, картины, эстампы, карандаши, кисти, краски, удивительная левретка, а чрез две недели пожаловал и сам Афанасий Иванович... С тех пор он как-то особенно полюбил эту глухую, степную свою деревеньку, заезжал каждое лето, гостил по два, даже по три месяца, и так прошло довольно долгое время, года четыре, спокойно и счастливо, со вкусом и изящно...»

Идиллия кончилась, когда Настасья Филипповна узнала, что Тоцкий в Петербурге «женится на красавице, на богатой, на знатной, — одним словом, делает солидную и блестящую партию». И в судьбе Настасьи Филипповны с этого времени произошел чрезвычайный переворот. «Она вдруг выказала необыкновенную решимость и обнаружила самый неожиданный характер. Долго не думая, она бросила свой деревенский домик и вдруг явилась в Петербург, прямо к Тоцкому, одна-одинехонька. Тот изумился, начал было говорить; но вдруг оказалось, почти с первого слова, что надобно совершенно изменить слог, диапазон голоса, прежние темы приятных и изящных разговоров, употреблявшиеся доселе с таким успехом, логику, — все, все, все! Пред ним сидела совершенно другая женщина, несколько не похожая на ту, которую он знал доселе <...> Эта новая женщина, оказалось, во-первых, необыкновенно много знала и понимала, — так много, что надо было глубоко удивляться, откуда могла она приобрести такие сведения, выработать в себе такие точные понятия. (Неужели из своей девичьей библиотеки?) Мало того, она даже юридически чрезвычайно много понимала и имела положительное знание, если не света, то о том, по крайней мере, как некоторые дела текут на свете. Во-вторых, это был совершенно не тот характер как прежде, то есть не что-то робкое, пансионски неопределенное, иногда очаровательное по своей оригинальной резвости и наивности, иногда грустное и задумчивое, удивленное, недоверчивое, плачущее и беспокойное.

Нет: тут хохотало пред ним и колело его ядовитейшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имело к нему в своем сердце ничего, кроме глубочайшего презрения, презрения до тошноты, наступившего тотчас же после первого удивления. Эта новая женщина объявляла, что ей в полном смысле все равно будет, если он сейчас же и на ком угодно женится, но что она приехала не позволить ему этот брак, и не позволить по злости, единственно потому, что ей так хочется, и что следственно так и быть должно...»

Тоцкий намеревался жениться на одной из дочерей генерала Епанчина — Александре. Настасья Филипповна не может «юридически» помешать этому браку, но она в состоянии, погубив себя, погубить и его матримониальные планы. Непримиримость, максимализм Настасьи Филипповны, ее безграничная гордость вкупе с ее ослепительной красотой вовлекают в орбиту ее инфернального притяжения все новых и новых претендентов на ее сердце, вернее — тело. Она в прямом смысле слова становится предметом купли, предметом торга. Генерал Епанчин, Ганя Иволгин, купец-миллионщик Парфен Рогожин — все они рассчитывают так или иначе «купить» Настасью Филипповну. И только князь Мышкин видит в этой мятущейся женщине живую, страдающую, легко ранимую душу. Сама Настасья Филипповна, запутавшись в своих чувствах, мечется между Парфеном Рогожиным и князем Мышкиным, соглашается на брак то с одним, то с другим и в финале погибает от ножа Рогожина.

В образе Настасьи Филипповны Барашковой можно усмотреть отдельные черты сходства с Аполлинарией Прокофьевной Сусловой, а во взаимоотношениях героини романа с Тоцким, годящимся ей по возрасту в отцы, проявились в какой-то мере глубинные психологические мотивы любви-ненависти, составлявшие суть взаимоотношений Сусловой и Достоевского.